Педагогические воззрения Н.В.Шелгунова (к 200-летию со дня рождения)

Помелов Владимир Борисович – д-р пед. наук, профессор, Вятский государственный университет (Киров, Россия); vladimirpomelov@mail.ru

Аннотация. *В статье представлены педагогические идеи видного российского педагогического деятеля, публициста XIX в. Николая Васильевича Шелгунова (1824–1891). Раскрыто содержание его педагогических воззрений; приводятся критические оценки, высказанные им в отношении ряда работ деятелей российского образования. Дана оценка вклада Шелгунова в отечественную педагогику. Статья подготовлена в связи с 200-летием со дня его рождения.*

Ключевые слова. *Н.В.Шелгунов, демократическое движение, система образования в России, российская педагогическая публицистика, классическое и реальное образование.*

В 2024 г. исполняется 200 лет со дня рождения Николая Васильевича Шелгунова. Его имя в настоящее время фактически забыто, но в свое время он был одним из тех представителей интеллигенции, которых называли *властителями дум*. Его статьи в «толстых» журналах с таким же нетерпением ожидались студентами университетов в 1870–80-е гг., как тремя десятилетиями ранее их отцы ждали статей В.Г.Белинского [1, с. 11]. Н.В.Шелгунов подхватил знамя прогрессивной российской педагогической мысли, лишившейся к тому времени своих признанных лидеров в лице К.Д.Ушинского, Н.И.Пирогова и П.Г.Редкина [2].

Н.В.Шелгунов родился в Санкт-Петербурге 22 ноября (4 декабря) 1824 г. в семье чиновника. В пять лет он был отдан в Александровский сиротский кадетский корпус. Проявившего незаурядные способности девятилетнего мальчика в 1833 г. приняли в Санкт-Петербургский практический лесной институт ведомства министерства финансов. Впоследствии Шелгунов добрым словом вспоминал преподавателей Сорокина и Комарова, друга Белинского; они знакомили своих учеников с произведениями современной прогрессивной русской литературы. В 1837 г. институт был преобразован в Лесной и межевой институт и стал фактически военным учебным заведением. В этом Шелгунов видел положительную сторону: армейская муштра, по его словам, развивала чувство товарищества и рыцарства.

В 1841 г. Шелгунов, окончив курс по первому разряду с чином подпоручика и званием лесного таксатора, поступил на работу по полученной специальности в лесной департамент министерства. В теплое время года он ездил по всей России, решал вопросы лесоустройства, а зимой готовился к новым экспедициям и обрабатывал полученный материал. Постоянные поездки требовали больших физических и моральных усилий и доставляли много хлопот и неудобств, но эта работа обогатила Николая знанием разных сторон российской действительности, дала материал для будущих литературных опытов. Его первые статьи печатались в специальных журналах. Он был также автором ряда брошюр, например «Лесная технология», «Лесоводство для частных владельцев», «История русского лесного законодательства» и др. [3, с. 186].

По делам службы ему пришлось бывать в Самаре, где он познакомился с академиком, действительным статским советником П.П.Пекарским. Это был видный историк и литературовед, автор многочисленных научных работ. Именно знакомство с Пекарским произвело переворот в сознании Шелгунова. Он увлекся историей и написал работу по истории российского лесного за-

конодательства, за которую получил награду и премию от министерства госимуществ.

В 1851 г. Шелгунов возвратился в Санкт-Петербург и продолжил службу в лесном департаменте. У него завязались прочные отношения с представителями литературных кругов, он подружился с Н.Г.Чернышевским и М.Л.Михайловым. В 1856 г. ему предложили место в располагавшемся в Царскосельском уезде Лисинском учебном лесничестве; Шелгунов должен был летом руководить практическими работами, а зимой читать лекции. Но он не считал себя достаточно подготовленным к этим обязанностям и попросился в заграничную командировку, чтобы приобрести необходимый опыт в одном из профильных вузов. Вернувшись в Россию осенью 1857 г., он приступил было к работе в лесничестве, но в 1858 г. ему снова была предложена командировка в Европу, где он пробыл около полутора лет.

Большое влияние на формирование общественно-политических взглядов Н.В.Шелгунова сыграло знакомство с произведениями А.И.Герцена и личная встреча с ним в Лондоне. 1860-е гг. были насыщены духом революционного демократизма; это было время, когда, «всякий захотел думать, читать и учиться, и когда каждый, у кого было что-нибудь за душой, хотел высказать это громко. Спавшая до того времени мысль заколыхалась, дрогнула и начала работать. Порыв ее был сильным и задачи громадны. Не только о сегодняшнем дне шла тут речь – обдумывались и решались судьбы будущих поколений, будущие судьбы всей России. Во всяком случае, так казалось участникам революционного движения. Эта заманчивая работа потянула к себе всех более даровитых и способных людей и выдвинула массу молодых публицистов, литераторов и ученых, имена которых навсегда оказались связанными с историей русского просвещения и с блестящим, но коротким моментом 1860-х годов, надолго давшим свое направление умственному движению России» [4, с. 7–8].

Печать была в те годы значительной силой, и Шелгунов стремился использовать ее для выражения своих общественно-политических и педагогических взглядов. Его публицистическая деятельность началась в «Современнике», когда во главе его стояли Н.А.Добролюбов и Н.Г.Чернышевский. Наиболее примечательной статьей Шелгунова стал материал «Рабочий пролетариат в Англии и Франции» («Современник», 1861), в основу которого была положена известная книга Ф.Энгельса «Положение рабочего класса в Англии». Здесь Шелгунов выступил еще во многом как эпигон.

Это была не только его первая статья, в которой затрагивались педагогические проблемы, но и одна из первых публикаций в российской прессе, где был поднят вопрос о связи воспитания детей с окружающей их социальной средой. Рассматривая вопрос о подготовке к жизни детей пролетариата, он убедительно показал, что воспитание ребенка в раннем возрасте главным образом зависит от материального положения семьи. Особенно тесно ребенок бывает привязан к матери. Но при буржуазном строе эта привязанность болезненно разрывается в связи с необходимостью для женщины работать и оставлять ребенка беспризорным. Значит, делает вывод автор, надо добиваться создания другого общественного строя, при котором женщина получит благоприятные условия для воспитания детей [5, с. 218].

В 1861 г. Шелгунов стал совладельцем газеты «Век», что позволило ему непосредственно обращаться к читателям со своими взглядами.

С увлечением изучал Н.В.Шелгунов произведения В.Г.Белинского и Н.Г.Чернышевского, и в конце 1850-х гг. он примкнул к тайной революционной организации «Земля и воля». Чернышевский, как руководитель, видел цель организации в подготовке крестьянской революции. Для осуществления этой цели членам организации необходимо было разъехаться по стране для налаживания деятельности тайных кружков. Шелгунову выпало ехать в Сибирь. Многого в практическом плане сделать ему, однако, не уда-

лось. По поручению Чернышевского в 1861 г. он, в частности, написал две прокламации – «К молодому поколению» и «К солдатам».

Н.В.Шелгунов считал, что крестьянская реформа не решает проблемы освобождения крестьян. По его мнению, земля должна принадлежать не лицу, а стране. У каждой общины должен быть свой надел. Нельзя допускать личного землевладения, ибо оно неизбежно приведет к резкому расслоению крестьянства, что вызовет социальные волнения. Он считал также, что император, «помазанный маслом в Успенском соборе, должен быть заменен выборным старшиной» [5, с. 217]. В 1862 г. член организации В.Д.Костомаров выдал Чернышевского и его единомышленников. Судьба многих из них была трагична. Сам Чернышевский после гражданской (символической) казни был отправлен на долгие годы в ссылку в Восточную Сибирь. Шелгунова продержали 20 месяцев в казематах Алексеевского равелина Петропавловской крепости, а потом выслали на поселение под надзор полиции в Вологодскую губернию. Лишь в 1877 г. он получил разрешение поселиться в столице.

В годы ссылки Н.В.Шелгунов много занимался литературной работой, но характер его сочинений резко изменился. Теперь он все внимание уделял популяризации исторических, социально-политических, экономических, литературных и педагогических знаний. Активно сотрудничал с ведущими российскими журналами: «Современник» (с 1861 г.), «Русское слово» (с 1865 г.), «Дело» (с 1867 г.), а также с газетой «Неделя» (с 1872 г.). С 1880 г. он был редактором журнала «Дело». В 1884 г. его обвинили в связях с народовольцами и отправили в Петропавловскую крепость. Однако доказать обвинение не удалось, и его освобождают, правда с запретом на редакторскую деятельность. Последние шесть лет жизни, а умер он 12 (24) апреля 1891 г., Шелгунов сотрудничал в журнале «Русская мысль», где писал ежемесячно по фельетону в рубрике «Очерки русской жизни». Всего их было опубликовано 65, причем последний он диктовал, будучи уже тяжелобольным [6, с. 114].

Передовые петербургские рабочие высоко ценили деятельность Шелгунова. Незадолго до его смерти они посетили его и вручили ему адрес, полный благодарных слов к человеку, ставшему одним из вождей прогрессивной молодежи. «Вы показали нам, как вести борьбу», – писали рабочие. Похороны Н.В.Шелгунова превратились, по словам В.И.Ленина (статья «Первые уроки»), в политическую демонстрацию. На его могиле выделялся венок со словами «Умершему со знаменем в руках» [6, с. 114].

Н.В.Шелгунов вошел в российскую историю как революционер-демократ, общественно-политический деятель, автор многочисленных, в настоящее время в основном забытых, публицистических работ по проблемам экономики, философии, истории, литературы, а также педагогики.

Творчество его было многогранно. Мы рассмотрим ту его часть, которая связана с развитием педагогических идей. Большинство его работ носили критический характер. Он не был педагогом–практиком, но в своих работах глубоко вскрывал сущность современных ему педагогических проблем. К наиболее важной из них он относил так называемую «классическую» реформу Д.А.Толстого. Он критиковал ее за бесплодность, односторонность и антидемократический характер [5, с. 219].

В статье в журнале «Дело» (1880, № 5) Шелгунов подводит «Итоги 14-летней деятельности Д.А.Толстого в Министерстве народного просвещения» (так называется статья) и одновременно одним из первых дает обобщающий очерк развития образования в России. В очерке содержится много интересных фактов, наблюдений и обобщений. Так, он отмечает, что при Петре I и Екатерине II образование имело практический, реальный характер и отличалось большей свободой в смысле выбора средств и методов обучения. Для чтения воспитанникам Санкт-Петербургского народного училища, основанного при Екатерине, выписывались гамбургские и геттингенские

газеты, московские и петербургские «Ведомости». В этом же училище издавались литературные опыты воспитанников. Однако при императоре Павле I (1796–1801) была введена строжайшая книжная цензура.

Шелгунов знакомит читателя с речью профессора Московского университета Гейма (1799) «О состоянии наук в России под покровительством Павла I», в которой этот профессор указывал, что «познание и так называемое просвещение часто бывает употреблено во зло через обольстительные нынешних сирен напевы вольности и через обманчивые призраки мнимого счастья. Европейские правительства, спокойно взиравшие на сей разврат, возымели, наконец, правильную причину сожалеть о своем равнодушии. Сколько счастливою почитать себя должна Россия потому, что ученость в ней благоразумными ограничениями охраняется от губительной язвы возникающего всюду лжеучения» [7, с. 320].

В годы царствования Павла I были закрыты частные типографии, строго запрещены поездки за границу, наложен запрет на ввоз литературы, даже музыкальной. Едва вступив на престол в 1801 г., Александр I отменил эти ограничения. В гимназиях господствовало реальное направление. «Жестокие» учителя должны были быть «узнаны» и «предостережены» [7, с. 321].

В первоначальный период эпохи царствования Александра I на университет смотрели не как на воспитательное заведение, а как на «ученую корпорацию для преподавания наук» [7, с. 322]. Каждому профессору была предоставлена свобода преподавания, и даже деканы не имели права посещать лекции – это считалось унизительным. Тогдашний студент С.Т.Аксаков вспоминал: «В студентах царствовало полное презрение ко всему низкому и подлому и глубокое уважение ко всему честному и высокому. Память таких годов неразлучно живет с человеком и неприметно для него освещает и направляет его в продолжение целой жизни, и куда бы его ни затащили обстоятельства, как бы ни втоптали в грязь и тину, она выводит его на честную и прямую дорогу» [6, с. 116].

Первым краеугольным камнем политики министра народного просвещения Д.А.Толстого, отмечал Шелгунов, было мнение о том, что учителями народных школ должны быть выпускники духовных семинарий, вторым стал классицизм. С освобождением крестьянства от крепостного права появилась потребность подготовки значительного количества специалистов самого различного профиля. Время классицизма уходило в прошлое, это понимали все, в том числе и сам Толстой, но, тем не менее, он продолжал свою прежнюю образовательную политику. «Реализм» противостоял не только «классицизму». Он противостоял прежде всего церкви и монархическим устоям, верноподданным слугой которых был министр просвещения [5, с. 224]. Шелгунов приводит в статье отклики столичных изданий в связи с отставкой Толстого. В частности, он писал: «Трудно припомнить, когда петербургское общество праздновало Христово воскресенье с более радостными и светлыми надеждами, как в этот раз» [5, с. 224]. Эта статья ценна для современного читателя прежде всего своим фактологическим содержанием; она содержит такие подробности, которые могли бы бесследно исчезнуть за давностью лет к настоящему времени.

Касаясь проблемы соотношения в преподавании классических и реальных наук в современной российской школе, Н.В.Шелгунов называл курьезом то, что в то время, как в Европе совершается решительный поворот общественного мнения в сторону гармонического сочетания гуманитарных и реальных знаний, когда невежеством считается как пренебрежение словесными науками со стороны реалистов, так и пренебрежение изучением законов природы со стороны словесников, мы выступаем в мир просвещения с филологической системой и, забросив свой родной язык и живые языки, тщательно долбим на память греческие и латинские лексиконы [7, с. 340].

Н.В.Шелгунов видел определенную альтернативу министерским и церковно-при-

ходским школам в открытии земских школ. В статье «По поводу земской школы» он отмечал, что земским школам приходилось терпеть нападки как со стороны прогрессивных кругов, считавших, что эти школы должны более энергично насаждать грамотность, так и со стороны реакционной печати, осуждавшей их за пренебрежение религиозным образованием и насыщение программы светским, естественнонаучным материалом [8, с. 356]. Начиная с 1884 г., земской школе противопоставлялась церковно-приходская, получавшая значительные ассигнования от царского правительства, которое надеялось, что они потеснят земские школы. Последние находились на грани запрета. И именно в этот момент Шелгунов выступил со статьей в их защиту. Он показал ту пользу, которую в течение двух десятилетий вело земство в области просвещения народа. Статья видного публициста на некоторое время приостановила поток критики в адрес земств.

В самом деле, писал автор, всего каких-то несколько десятков лет тому назад крестьяне не требовали от школы ничего большего, как научить ребенка чтению часослова, а сейчас крестьяне требуют чтения не только божественных, но и гражданских книг, умения складно написать письмо, произвести вычисления на счетах, т.е. практических знаний. В устаревшие «домашние» школы с учителем–дьячком или отставным солдатом крестьянин отдает детей в учебу лишь тогда, когда поблизости нет земской школы.

Симпатией к народному учителю проникнуты строчки статьи Шелгунова. С болью пишет он, что до сих пор на учителя смотрят как на вещь, которую всегда можно передвинуть и распорядиться им по своему усмотрению. Учитель должен жить в мире со священником, потому что тот всегда ему может навредить. В одних только детях он и находит нравственную опору, с ними отдыхает душой. А ведь иные деятели предлагают сделать школу еще и профессиональной, где ребенок получал бы основы какой-либо профессии. Это выглядело бы неплохо, но вот поручить это все учителю невозможно. Позанимавшись с детьми в течение шести–семи часов, он нуждается в отдыхе; к тому же дома его снова ждут тетради и подготовка к следующему учебному дню [8, с. 367]. Он приводит в статье цитаты из различных газет, суть которых сводится к одному: «Образование народа приносит один только вред. Деревенские ребятишки в школах научаются безнравственности, неверию в бога». Какой же предлагается выход «скалозубами и собакевичами»? Они толкуют о необходимости организации особых школ, в которых готовили бы расторопных лакеев и ловких горничных, новых «подхалюзиных и молчалиных».

В противовес этому «темному царству» автор противопоставляет имена «первоучителей», таких как Ушинский, Водовозов, Паульсон, Максимович, Косинский, Корф, Блинов, Тихомиров и др., имена которых сохранятся навечно в истории народного образования России. При этом, давая обзор методической деятельности этих замечательных педагогов, он далек от безоговорочных панегирик в их адрес. Так, он пишет, что, например, книги И.И.Паульсона грешат нравоучениями и «натяжками добродетельных чувств» и потому не производят на детей «настоящего впечатления». В.И.Водовозов иногда не интересен и сух. Детские книги Л.Н.Толстого нравятся детям больше, но зато он не дает детям новых знаний и заботится только о развитии чувств и воображения. В смысле передачи полезных знаний преимущество он отдает В.И.Водовозову и К.Д.Ушинскому.

Особенно активно откликался Шелгунов на педагогические идеи Л.Н.Толстого. По всей вероятности, он был наиболее серьезным педагогическим критиком «Азбуки» и «Книги для чтения» великого писателя. Шелгунова не смущал высокий авторитет великого русского писателя; он считал, что раз Лев Толстой – человек необыкновенный, то, следовательно, и относиться к нему следует строже и требовать большего. Отмечая стремление Толстого подняться над немецким методическим педантизмом, влиянию которого

сильно поддавались тогдашние русские педагоги, Шелгунов в то же время назвал его «Новую Азбуку» «старинным букварем, необыкновенно монотонным и однообразным, над которым заснет всякий ребенок». Главный недостаток он видит в отсутствии реального, практического содержания, в насыщенности его сказочностью и басенностью. Толстой, пишет Шелгунов, дает слова, а не понятия; он пишет о львах, обезьянах, орлах, а картинок этих животных нет, поэтому материал далек от понимания детьми [5, с. 227–228].

Н.В.Шелгунов подверг критике и «Руководство к русской азбуке» В.И.Водовозова. Он считал, что главная ошибка писателей–педагогов, в том числе и Водовозова, состоит в излишнем педантизме, при котором переход от известного к неизвестному в их методических пособиях идет такими мелкими шажками, что лишает детей умственной самостоятельности; голова при этом становится «ненужной вещью».

Автор, по мнению Н.В.Шелгунова, прививает детям привычки мышления, заставляя детей запоминать второстепенные детали, например, какой формы клюв у той или иной птицы. Водовозов отвечал, что эти задания даются детям, как выражался сам методист, «для умственной гимнастики», а содержание в данном случае не имеет существенного значения [5, с. 228]. Однако Шелгунов не согласился с такой постановкой вопроса и заявил, что бесцельное упражнение ума, так же как и тела, есть самый бесчеловечный вид каторги, который влечет за собой безнравственные и разрушительные последствия, поскольку притупляет человека и превращает его в идиота.

Отдавая должное острому, наблюдательному уму Н.В.Шелгунова, точности многих его высказываний и справедливости его мнений, следует иметь в виду, что в ряде случаев он, подобно другому видному критику того времени Д.И.Писареву и Л.Н.Толстому, нередко полемически заострял высказывавшуюся мысль, порой доводя ее до абсурда. Кроме того, его мнения по тому или иному вопросу не могут рассматриваться как безусловная истина. Важно помнить, что вышеназванные авторы учебных пособий были не только теоретиками педагогики, но и учителями–практиками, использовавшими непосредственно в работе с детьми свои собственные учебники. И в этом сильная сторона их дидактической позиции. В то же время следует отметить и то, что Шелгунов видел коренную разницу между реакционерами от просвещения и замечательными педагогами, создававшими одними из первых свои, пусть и не всегда совершенные учебники. Но в целом его критика всегда носила конструктивный, хотя порой и чересчур резкий характер.

В 1875 г. в журнале «Дело» (№ 4) была опубликована большая статья Н.В.Шелгунова «Педагогическая путаница». В ней он дает подробный критический анализ курса педагогики, составленный преподавателем теории изящной литературы и педагогики Николаевского женского института в Санкт-Петербурге М.Б.Чистяковым, автором–составителем таких книг, как «Повести и сказки для детей», «Исторические повести и рассказы», «Очерк теории изящной словесности» и др. Его курс педагогики обобщал опыт преподавания самого автора. Шелгунов критикует автора за идеализм и отрыв от природной и социальной среды.

В свое время Ж.–Ж.Руссо, испугавшись сложности социальной среды, поместил своего Эмиля на «необитаемый остров», «лишил» его родителей, приставил к нему кучу гувернеров. Талант в изображении отдельно взятых педагогических воздействий у французского утописта сочетался с наивной верой в возможность выведения на лоне природы «новой породы» людей. Однако жить в обществе и быть независимым от него невозможно. Наивность Руссо Европа давно ему простила, пишет Н.В. Шелгунов, ибо его теории открыли зрение слепым. Едва ли после Руссо следовало появляться на том же поприще М.Б.Чистякову [9, с. 296].

«Современная педагогика вовсе не умозрительное отношение к чему-то вообще, отдельно стоящему и изолированному, это

не наука необитаемого острова, а, напротив, наука густо населенной земли. Чтобы учить такой науке, нужно знать, прежде всего, и землю, и людей, знать силы и законы человеческой души» – писал Шелгунов [9, с. 304]. Но отмечает, что этого как раз и не показывает Чистяков, более того, высказывает резкое осуждение «отвлеченной педагогики», «педагогики вообще», оторванной от жизни общества, среды, культуры, природы.

Далее Шелгунов подвергает Чистякова критике за то, что тот считает воспитанием изолированное физическое или умственное воспитание. А ведь этого мало. Задача воспитания состоит в том, чтобы *направить* ребенка, сделать его полноценным членом общества, выражаясь современным языком *социализировать* его, т.е. ввести в социальную среду, адаптировать к окружающей жизни, помочь сориентироваться в ней. Впрочем, Чистяков, как бы отрицая «направления в педагогике», в то же время стремится дать детям «особенное направление» [5, с. 230]. И Н.В.Шелгунов это понимает. Другое дело, что идеал воспитания оба они видят совершенно по-разному, поскольку смотрят на эту проблему с различных социальных позиций.

Н.В.Шелгунов отзывался на все новое, передовое и интересное, что появлялось в педагогической литературе. Когда в 1884 и 1889 гг. вышли в свет два больших тома «Что читать народу?», составленные харьковскими учительницами под редакцией известной деятельницы по народному образованию Х.Д.Алчевской, Шелгунов откликнулся на их выход большой доброжелательной статьей «Что читать народу. Издание харьковских учительниц» («Русская мысль», 1890). Двухтомник представлял собой анализ большого числа литературных произведений, которым был дан критический анализ.

Для Шелгунова разговор о книгах был скорее поводом для разговора о роли интеллигенции в современном обществе. Ссылаясь на Р.Декарта, считавшего, что нет способности, распределенной более равномерно между людьми, нежели рассудок, он пишет, что интеллигенция отличается от народа не тем, что ее рассудок больше или сильнее, а только тем, что он имеет возможность работать над большим числом фактов, представляемых ему более развитой и разнообразной жизнью, и создавать поэтому большее количество понятий [5, с. 231]. В этом многообразии материала кроется в то же время, по мнению Шелгунова, и опасность для верности выводов рассудка интеллигентного человека, ибо простой народ живет почти исключительно реальными, практическими фактами, работать над которыми приходится рассудку не особенно много, поскольку факты эти не многочисленны и не особенно разнообразны и сложны. Интеллигентному рассудку работы больше. Помимо практических, реальных фактов ему приходится иметь дело еще и с умственными фактами, в которых подчас намешано столько правды и лжи, истины и заблуждений, что, честно проработав над всей этой мешаниной, интеллигентный рассудок создает подчас вывод, полный лжи и ошибок. В народе вы этого не найдете. У него фактов гораздо меньше, меньше понятий и слов. Но именно от этого архангельский мужик гораздо лучше понимает мужика минского и полтавского, чем живущие на одной улице сотрудники двух разных петербургских газет [5, с. 231].

Н.В.Шелгунов выступил автором большой работы «Письма о воспитании» (1873–1874). Она оформлена как популярный курс «рационального» воспитания и предназначалась для использования матерями, состоит из 20-ти значительных по объему и содержанию статей. Причем сами названия многих из них («Память», «Воображение», «Внимание», «Слово», «Воля», «Стыд», «Характер» и др.) дают основание считать, что их автора глубоко интересовали вопросы психологии. В своей работе он опирался на последние данные популярной тогда «опытной психологии», слывшей новым словом в науке и вводившей в психологию эмпирический метод вместо прежнего, догматического. Опытная психология ставила своей задачей изучение «душевных» явлений и использование их в педагогической практике. Скептики утверждали,

что ею невозможно пользоваться в практической деятельности. Шелгунов возражал, указывая на то, что ведь нет и «законченной» медицины, однако, когда больной хворает, посылают за доктором; все-таки лучше пользоваться положениями «незаконченной» науки, чем своими личными, несовершенными знаниями и наблюдениями [6, с. 120].

С развитием психологии Н.В.Шелгунов связывал самые большие надежды для дела воспитания. Он полагал даже, что быстрота человеческого прогресса будет зависеть исключительно от того, насколько быстро пойдет развитие психологии, которая должна стать таким же обыденным знанием, как география и математика [6, с. 121].

В статье «Чего не знают женщины», входящей в этот же цикл, автор задается вопросом, что же представляет собой «частный, женский опыт», на основе которого осуществляется домашнее воспитание. По мнению Шелгунова, нельзя представить себе ничего более жалкого, ограниченного, стесняющего и затупляющего, чем женское воспитание: «Какое ничтожество интересов, какая ограниченность кругозора, какая мелочность чувств и мыслей!» [10, с. 55]. Для женщины, считал он, общественная жизнь – это когда она отправляется в гости, на концерт или в театр, на бал, на общественное гулянье. Это высший предел, до которого достигает женская мысль. И такая женщина становится женою и матерью… «О, матери, матери! Мы вас не проклинаем, но вас не за что и благословлять. Вы сами ничего не знаете, вы сами ни о чем не думали, вас никто никогда не учил этому, – ни сама жизнь, ни ваша собственная мать, а поэтому и вам самим нечего передать своим детям», – с гневом писал Шелгунов [10, с. 55]. Ясно, что такие статьи публициста вызывали споры и обвинения в его адрес в излишней ригористичности, необъективности и недостаточном знании предмета исследования, в данном случае в незнании «психологии женщины». Вероятно, в этой критике много правды, но не исключено и то, что Н.В.Шелгунов сознательно заострял сущность характеризуемой им темы, с тем чтобы как можно больше привлечь потенциальных читателей к обсуждению своей статьи.

Заключение. Подспудно у Н.В.Шелгунова постоянно проходит мысль о том, что правильная организация воспитания детей, и не только их, невозможна без изменения социальных условий, непосредственно влияющих на формирование человеческих характеров. Кое в чем дальнейшее развитие науки поправило его отдельные положения и выводы. Но в целом он остался в истории отечественной общественной мысли и педагогики как один из виднейших ее представителей, поддерживавший демократическое направление в науке, прежде всего в застойный период правительственной реакции 1870–80-х гг. Дальнейшее изучение педагогического наследия видного российского мыслителя Шелгунова может служить важным ресурсом для углубления представлений отечественных историков образования об особенностях осуществления процесса развития просвещения в России во второй половине XIX в.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Помелов В.Б.* Педагогические идеи видного российского общественного деятеля Н.В.Шелгунова // Педагогика. Вопросы теории и практики. 2019. № 1. С. 11–16.

2. *Помелов В.Б.* Жизнь К.Д.Ушинского: Монография. Киров: Изд-во ВятГУ, 2023. 215 с.

3. *Помелов В.Б.* Российская прогрессивная педагогика второй половины XIX в.: Монография. Киров: Изд-во ВятГУ. 2020. 260 с.

4. *Струминский В.Я.* Н.В.Шелгунов – революционер–демократ и педагог–публицист 2-й половины XIX в. // Шелгунов Н.В. Избр. пед. соч. / Под ред. Н.К.Гончарова. М.: Учпедгиз, 1954. С. 5–32.

5. *Помелов В.Б.* Российская педагогика в лицах:Монография. Саарбрюккен: Lap Lambert Publishing, 2013. 608 с.

6. *Помелов В.Б.* Российские педагоги второй половины XIX–XX вв.: Учеб. пособие. Киров: Изд-во ВятГПУ, 2000. 220 с.

7. *Шелгунов Н.В.* Итоги 14-летней деятельности Д.А.Толстого в Министерстве народного просвещения // Шелгунов Н.В. Избр. пед. соч. / Под ред. Н.К.Гончарова. М.: Учпедгиз, 1954. С. 318–341.

8. *Шелгунов Н.В.* По поводу земской школы // Шелгунов Н.В. Избр. пед. соч. / Под ред. Н.К.Гончарова. М.: Учпедгиз, 1954. С. 341–369.

9. *Шелгунов Н.В.* Педагогическая путаница // Шелгунов Н.В. Избр. пед. соч. / Под ред. Н.К.Гончарова. М.: Учпедгиз, 1954. С. 289–317.

10. *Шелгунов Н.В.* Чего не знают женщины // Шелгунов Н.В. Избр. пед. соч. / Под ред. Н.К.Гончарова. М.: Учпедгиз, 1954. С. 53–68.

Дата поступления – 09.07.2024

Pedagogical views of N.V. Shelgunov (on the 200th anniversary of his birth)

Vladimir B. Pomelov – Dr. Sci. (Pedagogics), Professor, Vyatka State University (Kirov, Russia); vladimirpomelov@mail.ru

Abstract. *The article presents the pedagogical ideas of the prominent Russian pedagogical figure, a publicist of the XIX century Nikolai Vasilyevich Shelgunov (1824–1891). The content of his pedagogical views is revealed; the critical assessments expressed by him in relation to works of figures in the field of Russian education are given. The assessment of Shelgunov's contribution to Russian pedagogy is shown. The article was prepared in connection with the 200th anniversary of his birth.*

Key words. *N.V. Shelgunov, democratic movement, education system in Russia, Russian pedagogical journalism, classical and real education.*

REFERENCES

1. *Pomelov V.B.* Pedagogicheskie idei vidnogo rossijskogo obshchestvennogo deyatelya N.V.Shelgunova [Pedagogical ideas of the prominent Russian public figure N.V.Shelgunov]. *Pedagogika. Voprosy teorii i praktiki* [Pedagogy. Questions of theory and practice]. 2019. No. 1. P. 11–16.

2. *Pomelov V.B.* Zhizn' K.D.Ushinskogo: Monografiya [The life of K.D.Ushinsky: Monograph]. Kirov: Izd-vo VyatGU, 2023. 215 p.

3. *Pomelov V.B.* Rossijskaya progressivnaya pedagogika vtoroj poloviny XIX v.: Monografiya [Russian progressive pedagogy of the second half of the XIX century: Monograph]. Kirov: Izd-vo VyatGU, 2020. 260 p.

4. *Struminskij V.Ya.* N.V.Shelgunov – revolyucioner-demokrat i pedagog-publicist 2-j poloviny XIX v. [N.V.Shelgunov – revolutionary democrat and teacher-publicist of the 2nd half of the XIX century]. *Shelgunov N.V. Izbr. ped. soch.* [Selected pedagogical writings]. Ed. N.K.Goncharov. Moscow: Uchpedgiz, 1954. P. 5–32.

5. *Pomelov V.B.* Rossijskaya pedagogika v licah: Monografiya [Russian Pedagogy in persons: Monograph]. Saarbryűcken: Lap Lambert Publ., 2013. 608 p.

6. *Pomelov V.B.* Rossijskie pedagogi vtoroj poloviny XIX – XX vv.: Ucheb. posobie [Russian teachers of the second half of the XIX – XX centuries: Schoolbook]. Kirov: Izd-vo VyatGPU, 2000. 220 p.

7. *Shelgunov N.V.* Itogi 14-letnej deyatel'nosti D.A.Tolstogo v Ministerstve narodnogo prosveshcheniya [The results of D.A.Tolstoy's 14-year activity in the Ministry of Public Education]. Shel*gunov N.V. Izbr. ped. soch.* [Selected pedagogical writings]. Ed. N.K.Goncharov. Moscow: Uchpedgiz, 1954. P. 318–341.

8. *Shelgunov N.V.* Po povodu zemskoj shkoly [About the zemstvo school]. *Shelgunov N.V. Izbr. ped. soch.* [Selected pedagogical writings]. Ed. N.K.Goncharov. Moscow: Uchpedgiz, 1954. P. 341–369.

9. *Shelgunov N.V.* Pedagogicheskaya putanica [Pedagogical confusion]. *Shelgunov N.V. Izbr. ped. soch.* [Selected pedagogical writings].Ed. N.K.Goncharov. Moscow: Uchpedgiz, 1954. P. 289–317.

10. *Shelgunov N.V.* Chego ne znayut zhenshchiny [What women don't know]. *Shelgunov N.V. Izbr. ped. soch.* [Selected pedagogical writings]. Ed. N.K.Goncharov. Moscow: Uchpedgiz, 1954. P. 53–68.

Submitted – 09.07.2024